

Рец. на: D. Beyrau. Krieg und Revolution. Russische Erfahrungen. München: Ferdinand Schöningh, 2017. 311 s.*

Oksana Nagornaya

(South Ural Institute of management and economics, Chelyabinsk, Russia)

Rec. ad op.: D. Beyrau. Krieg und Revolution. Russische Erfahrungen. München, 2017

В широком многообразии проведённых в год столетия российских революций 1917 г. международных научных форумов и публичных мероприятий, издававшихся исследовательских работ и популярных публикаций книга широко известного в России немецкого историка Д. Байрау «Война и революция: Российские опыты», безусловно, не могла остаться незамеченной. Используя в качестве её основы часть своих ранее опубликованных статей, уже оказавших значительное влияние на развитие историографического ландшафта по проблематике мировых войн и революций, автор добавил к ним ряд новых сюжетов и представил читателю многослойную картину одного из самых неоднозначных периодов не только российской, но и всемирной истории.

Подводя промежуточные итоги актуальных на сегодняшний день дискуссий, Байрау в первую очередь ставит перед собой задачу: проследить преемственность опыта войн и революций в России, определить цезуры и разрывы его развития. Не ограничиваясь уровнем дискурсов и структур, он реконструирует переживания «эпохи крайностей» сквозь призму социальных групп, возникших или трансформировавшихся под влиянием войны. В центре его интереса находятся солдаты и офицеры — мужчины, постоянно испытывавшие насилие по отношению к себе, которым было дано право убивать; евреи, превратившиеся в ситуации революционных пертурбаций из «парий во властителей»; военные священники, не сумевшие преодолеть стереотипы о религиозности рядовых чинов в условиях окопного противостояния и выполнив своего призвания; большевистские комиссары и военспецы, вынужденные работать вместе вопреки своим мировоззренческим представлениям.

Поиск ответов на ряд вопросов (являлась ли революция историческим переломом

или всего лишь краткосрочным разрывом традиции российского авторитарного господства; в какой степени военный опыт стал причиной размаха революционного насилия) обусловил не только широкую хронологическую дугу — от революции 1905–1907 гг. до конца межвоенного периода, но и более глубокие экскурсы — в XVIII–XIX столетия и, наоборот, в годы Второй мировой войны. Значимость авторских выводов усиливается благодаря контекстуализации российских событий в трендах европейской и глобальной модерностей.

Масштабность целей потребовала от автора работы с обширной и разножанровой источниковой базой: хранящимися в фондах центральных и местных российских архивов материалами военных и политических органов, военной цензуры и пропаганды, отдельных фронтов и армейских формирований, а также со статистикой, прессой и публицистикой. В качестве эго-документов привлечены письма и мемуары очевидцев рассматриваемых событий; в одной из глав измерение индивидуального военного опыта основывается на критическом анализе публикации С. Федорченко «Народ на войне».

В связи с тем, что объёмы рецензии не позволяют последовательно осветить всё многообразие представленных в монографии сюжетов, остановлюсь на крупных тематических блоках, связывающих воедино представленную Байрау картину.

Изучая роль опыта войн и революций в истории России, автор книги не мог обойти стороной дискуссионный термин «отсталость», десятилетиями применявшийся при характеристике состояния политических и военных институтов империи и солдат царской армии. Байрау отмечает, что установленным европейским меркам прогресса и солдатской

* Байрау Д. Война и революция. Российские опыты. Мюнхен: Фердинанд Шёнинг, 2017. 311 с.

стойкости не соответствовали даже сами западные страны и их вооружённые силы. Поражение России, по его мнению, коренилось не в её отсталости, а в целом комплексе причин; до войны — ошибочное стратегическое планирование, неверное распределение инвестиций и бремя союзнических обязательств, в ходе военных действий — неспособность российских политических и военных элит мобилизовать ресурсы на ведение нового типа индустриальной войны, неумение противостоять политическим требованиям современного государства, что привело к кризису политической легитимации и необратимой поляризации общества (S. 13, 101).

Решающим отличием Восточного и Западного фронтов Первой мировой войны, а также российского военного и революционного опытов в целом автор книги называет феномен мультиэтничности. По мнению Байрау, наличие этнически неоднородных окраин и различная степень их интеграции в структуры империи помешали в довоенный период развитию гражданственности и национализма по европейскому образцу. В ситуации мировой войны опыт мультиэтничности обусловил специфику самомобилизации российского общества, основной жертвой которой стали не столько внешние, сколько мнимые «внутренние враги»: российские подданные немецкого и еврейского происхождения. После 1917 г. именно фактор мультиэтничности до известной степени определил размах революционного насилия. На примере европейских окраин Российской империи автор выделяет ситуативные техники управления, достигавшие в зависимости от их сочетания и территориального контекста различного эффекта: военно-полицейское подавление, военно-административные реформы и «политика населения», включавшая депортации местных жителей и попытки регулируемого заселения местности этнически русскими крестьянами и землевладельцами. Не всегда успешная практика введения всеобщей воинской повинности на населённых меньшинствами территориях и целенаправленного растворения призывников в военных частях среди русскоязычного большинства сменялась в условиях войны и оккупации соответствующих европейских областей империи созданием национальных формирований. В ситуации революции наиболее зримый эффект этнической мобилизации достигался при наложении её на мобилизацию

социальную. К примеру, на прибалтийских территориях латышские части проявляли удивительную стойкость, сражаясь против немцев, которых воспринимали не как нацию-врага, а как социальных угнетателей.

Особое внимание автор уделяет изучению и контекстуализации стремительного роста дискриминационных и насильственных практик по отношению к евреям как наиболее мобильной этнической группе Российской империи. Всплески антисемитизма (характерного в довоенный период и для Центральной, и для Восточной Европы) автор связывает с деградацией и без того неустойчивых российских институтов в условиях военных неудач и революционных волнений. Бремя наследия антисемитизма царского режима, теперь уже в образе «евреев-большевиков», восприняли белые армии, а затем и круги русской эмиграции, включая А.И. Солженицына. Сами большевики, вынужденные бороться с данным стереотипом даже в рядах созданной ими Красной армии, переформулировали образ врага на основе классового принципа. Это привело к распределению евреев в рамках всех негативно маркированных советской властью групп (лишенцев, нэпманов) и к внутриведомственной характеристике направленных против этих групп политических мероприятий как антиеврейских акций. Беспрецедентный же взлёт евреев в рамках советского аппарата Байрау обоснованно объясняет их превращением в «эрзац-интеллигенцию» в условиях революционного оттока кадров за пределы Советской России (S. 195).

Следующим тематическим полем, объединяющим все структурные части монографии, является военно-революционный опыт отдельных социальных групп. Наиболее детально автор реконструирует эволюцию положения и переживания военного сословия в обликах солдат, офицеров, военных священников. Гражданское население (дети, женщины, старики) чаще всего остаётся в изложении лишь пассивным фоном, усиливающим аргументативность исследовательских выводов автора. Именно роль солдат в событиях начала XX в., по мнению Байрау, являлась ключевым отличием революционных процессов. Если в ситуации революции 1905–1907 гг. политизации в армии подвергся лишь авангард, а основную массу правительству удалось использовать для подавления беспорядков, то в 1917 г. отказ солдат от участия в затянувшемся мировом противостоянии и катастрофическое

падение дисциплины частей в тылу разрушили и без того нестабильный политический порядок. Автор обращается к эго-документам, чтобы донести до читателя глубину испытанного солдатами ужаса артобстрелов и газовых атак, описать массовую гибель нижних чинов на фронте в угоду карьеризму штабного командования, угнетающую монотонность окопного быта, которую не смогли компенсировать средства пропаганды и спорадические усилия благотворительных организаций. В отличие от укоренившегося в исследовательской литературе образа манёвренной войны на Восточном фронте, Байрау настаивает на том, что решающее значение для изменения настроений (в том числе для их революционизации) и поведенческих практик солдат имел опыт войны позиционной. В книге наглядно продемонстрировано, как скрытый культурно-политический дуализм, уже разделявший солдат и офицеров российской армии к началу века, в ходе Первой мировой войны превратился в непримиримый конфликт (S. 123). Удивительно, но практически полное истребление кадровых офицеров на фронте в первые месяцы войны и замена их насупех обученными командирами из числа представителей менее привилегированных групп не привели к изменению взаимоотношений в частях и к отмене практикуемых унтер-офицерами практик физического дисциплинирования. Социальный, мировоззренческий конфликт, а в случае офицеров с немецкими фамилиями — и этнический, усиленный слухами о предательстве царского двора, мог быть решён только насильственными средствами, что и произошло в армейских частях весной 1917 г.

Красной нитью, связующей практически все сюжеты книги, выступает вопрос о динамике и цикличности насилия на уровне дискурсов, институциональных практик, опыта социальных групп и индивидов. Намеченный уже во время Первой российской революции размах насилия «сверху» и «снизу» (и в рамках государственных мероприятий, и в бытовой повседневности) воспринимался как норма всеми социальными группами в ходе Первой мировой и Гражданской войн. Многообразие и частотность применения техник принуждения (террор, реквизиции, трудовая мобилизация, репрессии и погромы) провоцировали рост аппарата насилия и криминализацию населения. С другой стороны, важным является тезис автора об отсутствии прямой взаимозависимости между

революцией 1905—1907 гг., Первой мировой и Гражданской войнами и дальнейшим насильственным господством большевиков в Советской России. Пример Польши, балтийских государств и Финляндии, входивших в состав Российской империи, служит для автора образцом альтернативного, смягчённого варианта переработки военного и революционного опыта, предотвратившим становление диктатуры (S. 30). К сожалению, данный тезис не получил в книге дальнейшего развития.

По представлениям автора, вопреки устойчивому клише о «забытой войне», преемственность «старого» и большевистского режимов заключалась в использовании накопленных военных практик, а также в изучении и предотвращении негативного военного опыта. Политика обеспечения населения в условиях войны (модель военной экономики), развитие военной стратегии на случай будущих вооружённых конфликтов, масштабное применение принудительного труда, всеохватная духовная мобилизация, — вот наиболее значимые «уроки», взятые советской властью у своих идеологических противников из состава царского и Временного правительств. По мнению Байрау, большевики не искали институционального консенсуса, развивая свои техники господства в пространстве диктата, насилия, пропаганды и симулированной спонтанности масс (S. 103). Обширные инвестиции дефицитных ресурсов в индоктринацию населения и мобилизацию психологического потенциала отличали большевистскую политику от мероприятий их предшественников и сближали её с моделью будущей тотальной войны. И в этом плане, считает Байрау, усилия большевистского руководства в межвоенный период мало отличались от действий на международной арене правительства других стран — советская власть столь же ярко стремилась к ревизии результатов Первой мировой войны (S. 293).

Естественно, представленная автором многогранная палитра военного и революционного опыта не создаёт (да и вряд ли это возможно) для читателя единой и целостной картины столь турбулентного периода (эффекту цельности препятствует и упомянутая выше сюжетная компоновка книги). В намеченных им рамках и детально проработанных материалах вырисовываются лакуны, которые ещё предстоит заполнить сторонникам междисциплинарного подхода к изучению темы. К примеру, уделив внимание

деятельности военных православных священников, Байрау лишь кратко затронул проблематику служителей других конфессий и их опыт соприкосновения с войной и революцией. Обращаясь к описанию послевоенных ландшафтов и проводя параллели между масштабами их разрушения и состоянием

социумов (S. 124–125), автор обращается к зарождающемуся в мировой историографии научному направлению – экологии войны, которое применительно к российскому опыту Первой мировой и Гражданской войн ещё недостаточно разработано и ждёт своих исследователей.

Василий Христофоров

Рец. на: Глазами разведки. СССР и Европа. 1919–1938 годы. Сборник документов из российских архивов / Сост. М. Уль, В. Хаустов, В. Захаров. М.: Историческая литература, 2015. 603 с.

Vassiliy Khristoforov

*(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences;
Russian State University for the Humanities, Moscow)*

Rec. ad op.: Glazami razvedki. SSSR i Evropa. 1919–1938 gody. Sbornik dokumentov iz rossiyskikh arkhivov. Moscow, 2015

Публикация документов, связанных с историей советской разведки, ведётся с начала 1990-х гг. Однако в научный оборот в основном были введены материалы, касающиеся деятельности отечественных спецслужб накануне нападения Германии на СССР (1935–1941)¹.

Рецензируемый сборник интересен тем, что содержит рассекреченные документы, раскрывающие приоритетные направления работы как советской военной (Красной армии), так и внешней (ВЧК–ОГПУ–НКВД) разведки на западе Евразийского континента в 1918–1938 гг. Тогда в условиях конфронтационных отношений с большинством европейских стран тем не менее шёл процесс признания Советской России (СССР), и укреплялось её международное положение. После окончания Гражданской войны руководство страны небезосновательно опасалось новой интервенции. В этой связи уделялось особое внимание получению объективной информации о политических и военных планах европейских государств.

Разведывательная работа, последовательно разворачивавшаяся в Великобритании, Франции, Германии, Польше, Румынии, Японии, Латвии, Литве, Эстонии и Финляндии, велась в сложных условиях. В тот период в структуре советских спецслужб отсутствовало информационно-аналитическое подразделение, способное рассматривать огромное количество документальных материалов, добывавшихся

по каналам разведки, обобщать их, давать рекомендации тактического и стратегического характера, делать выводы. Следует согласиться с мнением составителей о том, что данная проблема усугублялась перманентными требованиями И.В. Сталина предоставлять ему разведывательную информацию, выводы же он предпочитал делать сам (с. 34).

В книге представлены ранее недоступные исследователям источники – из фондов Российского государственного военного архива, Российского государственного архива социально-политической истории, Центрального архива ФСБ России, а также материалы Службы внешней разведки Российской Федерации.

Составители достаточно подробно (№ 1–6) показали процесс организации (с 5 ноября 1918 г.) и становления военной разведки РККА, когда приказом РВС РСФСР был утверждён штат Полевого штаба. Одно из его управлений – Регистрационное – стало первым центральным органом агентурной разведки Красной армии. С апреля 1921 г. во исполнение решения советского руководства о расширении функций военной разведки было образовано Разведывательное управление (РУ) штаба (с мая 1940 г. – Генерального штаба (ГШ)) РККА. Сборник содержит сведения о разведывательном обеспечении военных действий и добывании стратегической информации в условиях сложной внешнеполитической обстановки (№ 11, 12, 16–20).